

С. В. Махортых

СКИФЫ И УРАРТУ ¹

Статья посвящена сравнительному анализу скифских древностей VII—VI вв. до н. э., выявленных в двух наиболее хорошо исследованных урартских крепостях. Одна из них (Аянис) локализуется на восточном берегу о. Ван (Турция), а другая (Кармир-Блур) на окраине г. Ереван (Армения).

Ключевые слова: скифы, Урарту, Аянис, Кармир-Блур, VII—VI вв. до н. э.¹

Пребывание скифов на Древнем Востоке относятся к числу важнейших событий ранней истории этого кочевого народа. В VII—VI вв. до н. э. номады вступали в активные контакты с различными государственными образованиями Передней Азии, что не могло не сказаться на исторических судьбах и облике их материальной культуры. Одним из наиболее ярких примеров такого взаимодействия являются связи кочевников с государством Урарту, которое, сформировавшись в IX в. до н. э., занимало горные области, располагающиеся к северу от Месопотамии и протянувшиеся от восточной Турции через территорию Армении к северо-западному Ирану. Отражением этих контактов являются многочисленные археологические находки предметов скифского облика, обнаруженные в крепостях, которые относятся к числу наиболее известных и монументальных урартских памятников. Большинство из них, несмот-

ря на погромы и разрушения, сохранили много ценных и неожиданных артефактов. Ряд вопросов древней истории Урарту является дискуссионным, в том числе и время прекращения его существования. Привлечение скифских (в широком смысле этого слова) археологических материалов для их решения представляется своевременным и необходимым.

Предлагаемая статья посвящена сравнительному анализу скифских древностей выявленных в двух наиболее хорошо исследованных урартских крепостях. Первая из них, Аянис (Ayanis), локализуется на восточном берегу о. Ван (Турция), а другая — Тейшебаини (Кармир-Блур) на окраине г. Ереван (Армения). Оба памятника были основаны в первой половине VII в. до н. э. урартским царем Русой II (685—645 гг. до н. э.) (Çilingiroğlu, Salvini 2001). Последний относится к числу наиболее выдающихся урартских правителей, при котором Урарту находилось на вершине процветания и военной мощи. С именем Русы II связывается активная строительная деятельность, выразившаяся в сооружении ряда крепостей и ирригационных систем. Благодаря искусной дипломатии, ему удавалось поддерживать стабильные, и, в целом, мирные, отношения с соседями, и, в первую очередь, с Ассирией, а также посещающими этот регион номадами (Salvini 1995; Çilingiroğlu 2002; Kroll et al. 2012, p. 19).

Рассматриваемые кочевнические материалы представлены несколькими категориями, и в частности, бронзовыми втульчатými наконечниками стрел, зооморфными окончаниями ножен, а также деталями конской сбруи (псалии, пронизи и пр).

1. Статья подготовлена в рамках авторского научного проекта, выполненного в Корнельском университете (штат Нью-Йорк), при поддержке программы Фулбрайт (США) в Украине. Пользуясь случаем, выражаю благодарность А. Смиту, Л. Хатчадорян и Н. Рассел за помощь и содействие в реализации этого проекта.

1. БРОНЗОВЫЕ ВТУЛЬЧАТЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

В Аянисе обнаружена одна из наиболее представительных серий этих изделий, выявленных на территории Урарту, которая, благодаря новым раскопкам, продолжает ежегодно пополняться. Эта серия насчитывает не менее 150 экз., при этом большая часть наконечников выявлена перед стенами укреплений и в районе ворот крепости, т. е. принадлежала врагам, штурмующим крепость. Помимо этого, скифские наконечники найдены и в цитадели: во дворе храма, внутренних помещениях и пр. (рис. 1; 2: 1—39; Derin, Muscarela 2001, fig. 6: 71—87; 7: 91—106; Çilingiroğlu, 2005, fig. 1; Özdemir, Işıklı 2017, fig. 3: a—d; 5: a—h).

Рассматриваемые находки представлены, главным образом, втульчатыми двухлопастными наконечниками с ромбовидной и овальной головками, с шипом или без шипа на втулке (рис. 1; 2: 1—23). Они являются довольно массивными, высота большинства варьирует от 4,2 до 5 см. В отличие от наконечников с шипами, лопасти у наконечников без шипов охватывают большую часть втулки, которая зачастую является слабо выделенной или практически «сливается» с основанием¹ (рис. 1; 2: 9—12, 24—31).

1. Следует упомянуть находки отдельных двухлопастных наконечников иных типов с длинной втулкой из Аяниса (рис. 2: 34, 35). Помимо этого, там также найдены три бронзовых трехлопастных и один трехгранный наконечники стрел (рис. 2: 36—39; Derin, Muscarela 2001, fig. 6: 83; 7: 104, 107; Özdemir, Işıklı 2017, fig. 5: g, h).

Близкие соответствия двухлопастным наконечникам стрел из Аяниса, и в частности ромбическим экземплярам с шипом и лавролистным без шипа, обнаруживаются в других урартских крепостях, например, в Бастаме. Необходимо, однако, заметить, что они там являются немногочисленными (около 10 экз.) и зачастую происходят из смешанных слоев, поэтому не связаны с определенным археологическим контекстом (Kroll 1979, p. 154, 157, 158, 166, 168, Abb. 3: 1, 2; 16: 30, 31; taf. 51: 4; 1988, p. 159, 160, Abb. 3: 4; taf. 37: 5).

Обращает на себя внимание довольно многочисленная коллекция наконечников стрел с ромбической формой головки из Аяниса (рис. 2: 1—15). Принимая во внимание дату разрушения этой крепости (около или, скорее, несколько позже 650 г. до н. э.), (Çilingiroğlu, Salvini 2001; Derin, Muscarela 2001), эти материалы чрезвычайно важны для уточнения хронологических рамок бытования близких наконечников на юге Восточной Европы, где они, зачастую, на мой взгляд, например, курган 524 у с. Жаботин, подвергаются неоправданному удревнению и относятся к середине VIII в. до н. э. (Рябкова 2014).

Бронзовые наконечники стрел с пером ромбической формы найдены на Древнем Востоке среди материалов, относящихся ко времени штурма Ниневии в конце VII в. до н. э., а также на юге Восточной Европы в кочевнических захоронениях второй половины VII в. до н. э., а возможно и первой половины VI в. до н. э.: курган 4 погребение 1 у ст. Холмская на северо-за-

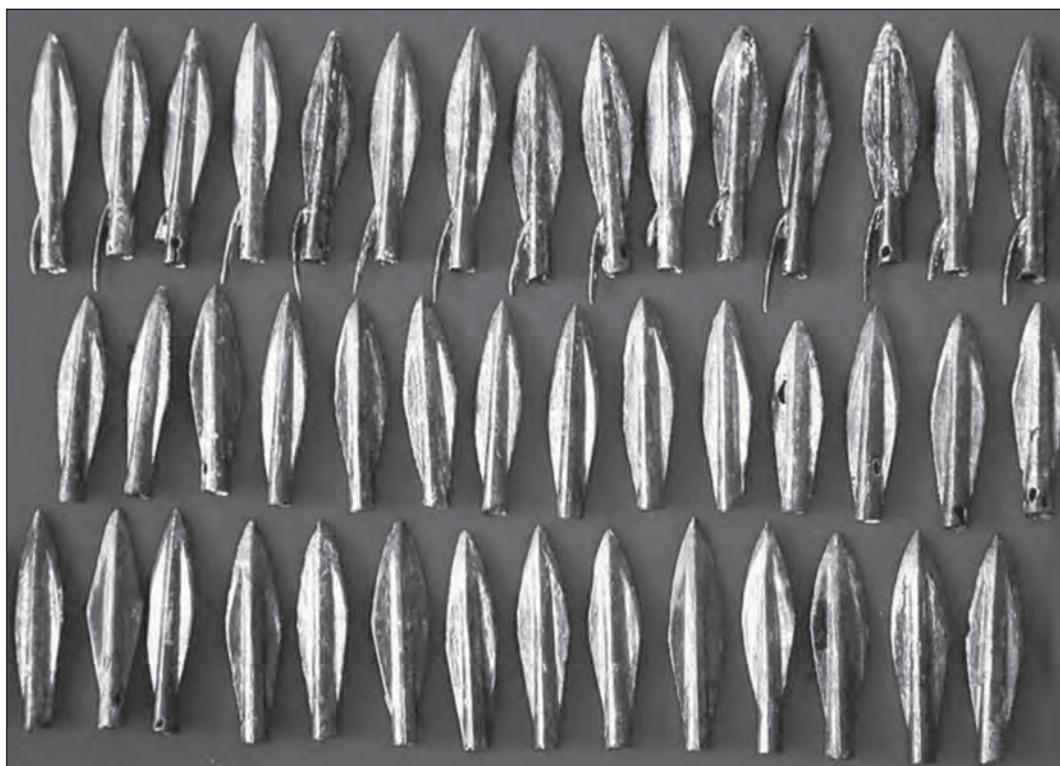

Рис. 1. Бронзовые двухлопастные наконечники стрел из Аяниса

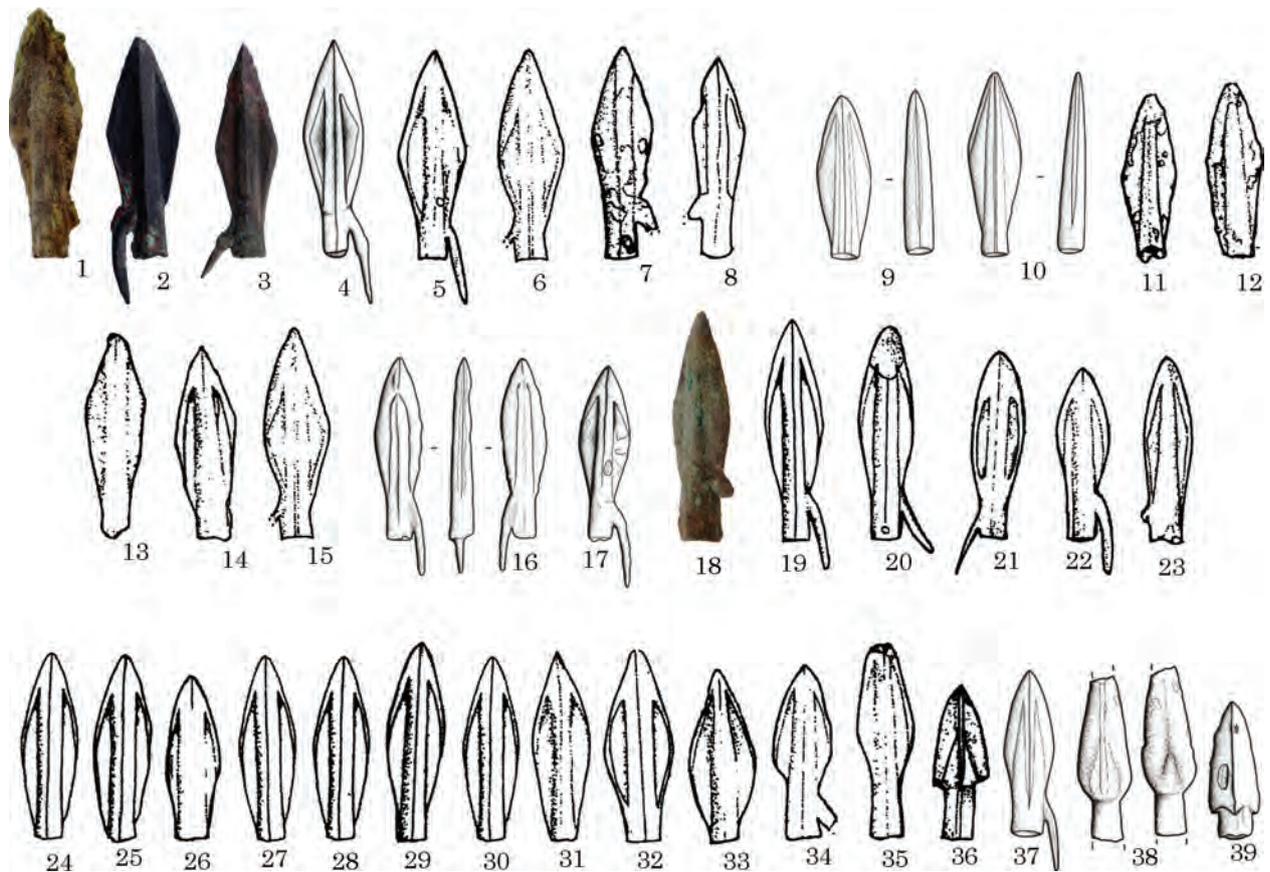

Рис. 2. Бронзовые втульчатые наконечники стрел из Аяниса, масштаб изображений произвольный

падном Кавказе; курган 1 могильника Осняги в округе Бельского городища; курган 1 погребение 1 близ с. Карпуси под Полтавой и др. (Шрамко 1987, рис. 71: 1; Василенко, Кондрашев, Пьянков 1993, рис. 6: 3—30; Pickworth 2005, fig. 35)¹. В связи с этим они не могут служить основанием для разделения памятников на докелермесские и келермесские, а также ограничивать дату содержащих их комплексов серединой VII в. до н. э. (Махортых 2014, с. 75).

Двухлопастные наконечники стрел с ромбовидной и овальной формой головки представлены также в Кармир-Блуре (Есаян, Погребова 1985, табл. II; IIIЖ 1—15; Махортых 1991, рис. 30: 1—17; Рябкова 2009, рис. 1—3). Однако в целом на этом памятнике, где обнаружено более 120 бронзовых втульчатых наконечников стрел, преобладают трехлопастные наконечники различных модификаций (не менее семи типов), что, вместе с иными, встреченными здесь «поздними» элементами скифской материальной культуры, отличает этот памятник от Аяниса. Присутствие архаичных разновидностей двухлопастных наконечников стрел в Кармир-

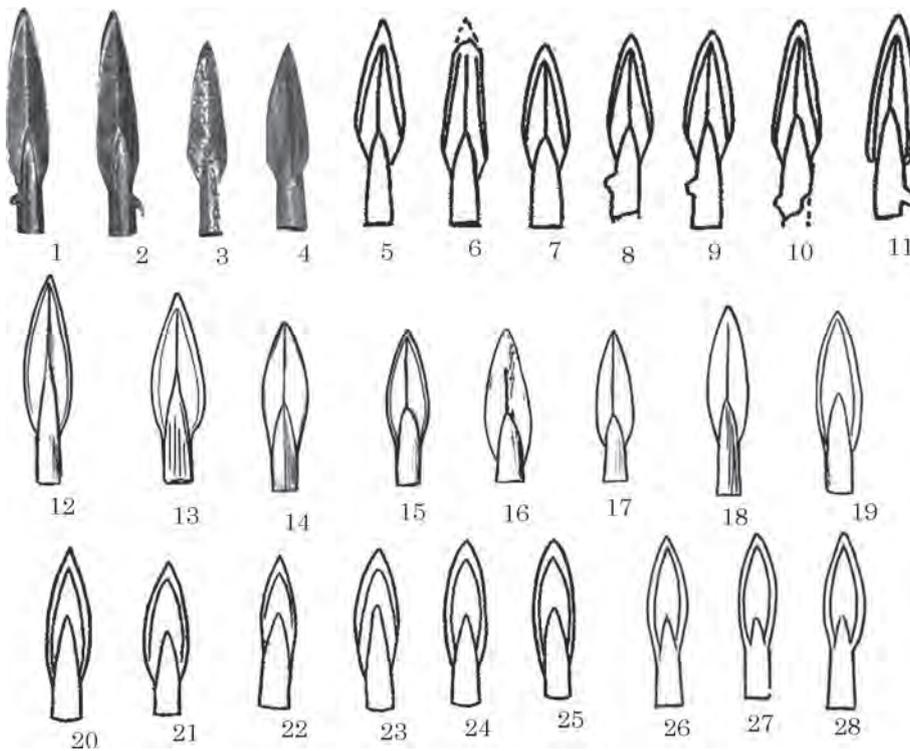
Блуре может объясняться различными причинами: бытованием их на протяжении большей части VII в. до н. э. или разновременностью материалов скифской культуры, происходящих с этого памятника, который мог использоваться кочевниками в качестве своеобразной базы, на протяжении довольно длительного времени (Махортых 2018, с. 46).

Среди обнаруженных в Кармир-Блуре трехлопастных наконечников наиболее многочисленными являются экземпляры с овальными очертаниями головок, короткими и длинными втулками, с шипом или без него, а также наконечники с остролиственными головками вытянутых пропорций с максимальным расширением в нижней части пера, в том числе и с косо срезанными внизу лопастями (рис. 3: 1—4; 12—19; 4: 11—13; Azarpay 1968, pl. 8; Рябкова 2009).

Следует упомянуть и иные разновидности трехлопастных наконечников стрел, в числе которых — небольшие наконечники с широкой треугольной в плане головкой и сравнительно длинной втулкой, экземпляры со сводчатой и трапециевидной головками и слабо выделенной втулкой, а также — с вытянутой узкой головкой равной по ширине втулке (рис. 4: 14—17; Рябкова 2009, рис. 1: 11, 12; 3: 42—44).

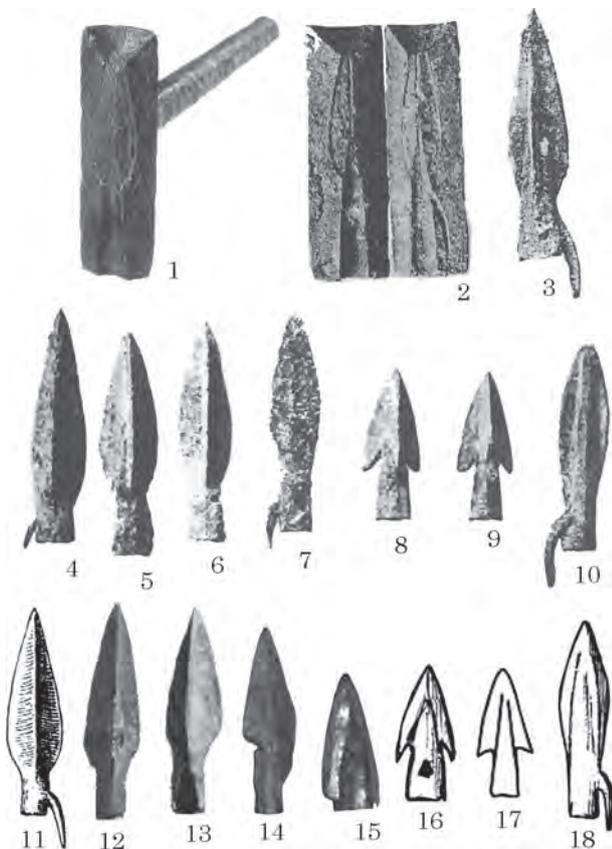
Значительная часть упомянутых выше трехлопастных наконечников из Кармир-Блур находит соответствия в слоях разрушений та-

1. Необходимо отметить и находки бронзовых втульчатых ромбических наконечников стрел на поселении Олуз Хююк на севере Центральной Анатолии, где они связываются со вторым строительным периодом, датирующемся последней четвертью V—III вв. до н. э. (Dönmez 2011, fig. 7: a, b; 8: a, b; 9: a, b).

Рис. 3. Бронзовые трехлопастные наконечники стрел из Кармир-Блура и их восточноевропейские аналогии: 1—4, 12—19 — Кармир-Блура; 5—11 — Новозаведенное II, курган 5; 20—25 — Репяховатая Могила, погребение 2; 26—28 — Китайгород. Масштаб изображений произвольный

ких памятников конца VII в. до н. э. Передней Азии, как Ашур, Кархемиш, Ниневия (рис. 4: 1—9; Woolley 1921, pl. 22: b; 23: b; Andrae 1977,

Рис. 4. Бронзовые наконечники стрел из Кармир-Блура и их переднеазиатские аналогии: 1—10 — Кархемиш; 11—18 — Кармир-Блура. Масштаб изображений произвольный

abb. 185; Pickworth 2005, fig. 35). Известны они также и в скифских захоронениях юга Восточной Европы этого или даже более позднего времени (первая половина VI в. до н. э.): Новозаведенное II, курганы 5, 13; Нартан, курганы 15, 17, 23; Бейсужек XXXV, курган 6 погребение 9; Хапры, курган 25, погребение 1; курган с с. Китайгород; Репяховатая Могила, погребение 2 и др. (рис. 3: 5—11, 20—28) (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис. 6, 9—14; 14: 2, 14, 15, 17; Батчаев 1985, табл. 53: 8, 10, 12; Петренко 1990, табл. II; Л: 2—10; Ильюков, Пашиных 1999; Петренко, Маслов, Канторович 2000, рис. 1: в; Ромашко, Скорый, Филимонов 2014, рис. 3: 30—32; Маслов, Огороков, Клещенко 2019, рис. 3: 1—18)¹. Примечательно, что в некоторых из названных выше скифских захоронениях с «поздними» колчанными наборами (Нартан, курган 17, Бейсужек XXXV, курган 6 и др.), также как и в урартской крепости Кармир-Блура встречены пастовые бусины в виде конических розеток, что является еще одним аргументом в пользу того, что основной период бытования этих предметов приходится на конец VII и / или первую половину VI вв. до

1. Одним из главных доводов в пользу датировки кургана у Китайгорода в Приорелье 610—600 гг. до н. э. послужила выявленная там столовая милетская амфора (Ромашко, Скорый, Филимонов 2014, с. 115). Однако приведенные в упомянутой публикации аналогии этой амфоре на самом деле являются более молодыми и относятся ко второй половине VI в. до н. э. (Seifert 2004, p. 18, 65, kat. 103). В связи с этим отсутствуют основания для датировки кургана у Китайгорода временем ранее первой половины VI в. до н. э.

н. э. (Махортых 2018, с. 37). Бронзовые двухлопастные и трехлопастные втульчатые наконечники стрел, обнаруживающие сходство с наконечниками стрел Кармир-Блура, выявлены также в слоях первой половины VI в. до н. э. таких хорошо стратифицированных памятников как Березанское поселение и Трахтемировское городище в Северном Причерноморье (Фіалко, Болтрик 2003, рис. 26; Ильина, Чистов 2012, табл. 54: 10, 11, 13).

Приведенные выше данные по колчаным наборам из Аяниса и Кармир-Блура демонстрируют их существенные отличия друг от друга, проявляющиеся как в соотношении представленных на этих памятниках двухлопастных и трехлопастных наконечников стрел, так и типологической характеристике последних. Хронологические различия между этими наборами, также как и событиями, приведшими к гибели урартских крепостей, на которых они были найдены, являются очевидными. Этот вывод подтверждает и сравнительный анализ других категорий скифской материальной культуры из Аяниса и Кармир-Блура, которые будут рассмотрены ниже.

Пока же приходится констатировать, что гипотеза, поддерживаемая некоторыми исследователями (Медведская 1992; Иванчик 2001, с. 59; Рябкова 2009), об одновременном разрушении урартских крепостей и тотальной гибели Урарту около середины или даже в начале (!) VII в. до н. э. не находит подтверждения в археологических материалах. Следует также упомянуть, что Б. Б. Пиотровский и И. Д. Дьяконов относили падение Урарту к началу VI в. до н. э. (Дьяконов 1956, с. 318; Пиотровский 1959, с. 186). При этом, однако, они в большей

степени основывались не на археологических материалах, а на свидетельствах письменных источников. Следует также упомянуть специальную работу У. Хелваг, в которой приведены практически все существующие точки зрения о времени и причинах падения Урарту (Hellwag 2012).

2. КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ НОЖЕЙ

Костяная бутероль из Аяниса имеет округлую форму с сужающимся и выделенным верхним краем, образующим ее устье (рис. 5: 1; Çilingiroğlu 2018, fig. 12). Она украшена изображением свернувшегося в кольцо животного с массивной головой и вытянутой мордой подпрямоугольной формы, имеющей открытую пасть. Ухо передано полукругом. Глаз, ноздря, окончания лап и хвоста оформлены в виде концентрических окружностей. Передняя, поднятая вверх, лапа плотно прижата к шее, при этом ее окончание соприкасается с основанием нижней челюсти, тогда как хвост и задняя лапа располагаются параллельно друг другу в горизонтальной плоскости и примыкают, в первом случае, к подбородку, а во втором — к коленному суставу передней ноги. В целом, изображение животного свободно свернуто по кругу, внутри которого располагаются лапы и хвост, а в центральной части имеется незаполненное поле наконечника.

Своей округлой формой, а также наличием выделенного устья находка из Аяниса сближается с золотым окончанием ножен меча из Келермесского кургана 1/Ш, а также костяной бутеролью, предположительно происходящей

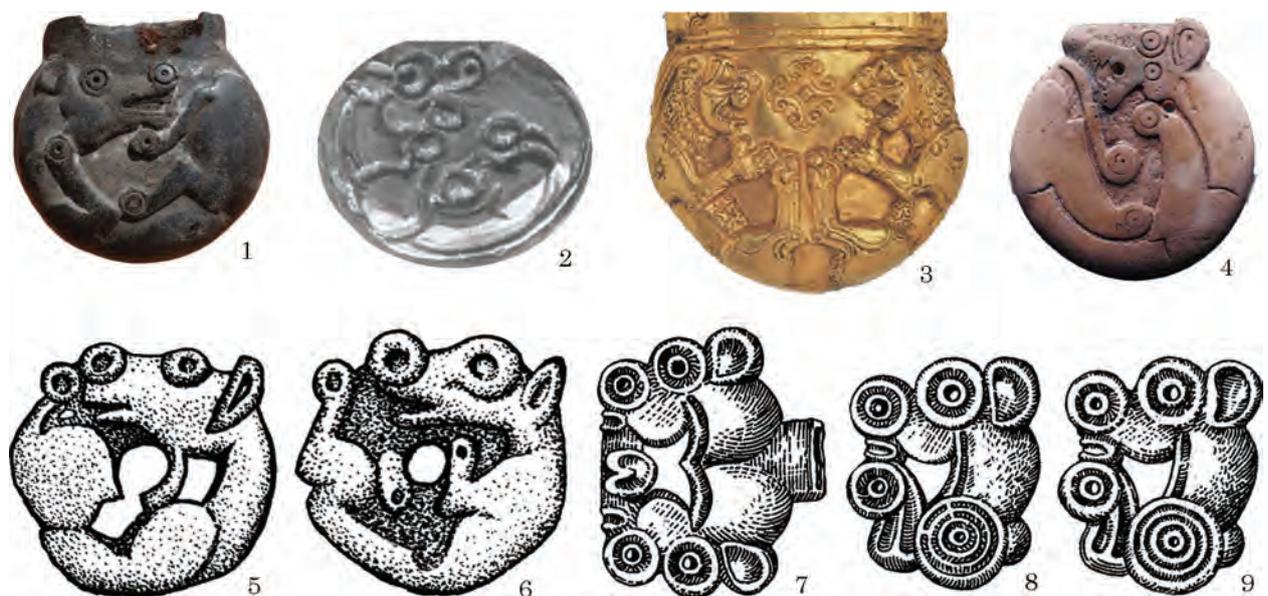

Рис. 5. Окончания ножен, бляшки и портупейный наконечник, украшенные зооморфными изображениями: 1 — Аянис; 2, 3 — Келермесский могильник, курган 1/Ш; 4 — Иран; 5 — Шунеры; 6 — могильник Ягуня, курган 11; 7, 8 — могильник Уйгарак, курган 28; 9 — могильник Уйгарак, курган 27. Масштаб изображений произвольный

Рис. 6. Костяные и металлические наконечники ножен, украшенные изображениями свернувшихся хищников: 1 — Кармир-Блур; 2 — Дарьевка; 3 — Сарды; 4 — Зивие. Масштаб изображений произвольный

из Ирана и хранящейся в коллекции Barbier-Mueller (Женева, Швейцария; рис. 5: 3, 4; Галанина 1997, табл. 9: 1с; Barbier 1996, p. 12, 37, fig. 7). Прямые аналогии изображению животного на окончании ножен из Аяниса не известны¹. Вместе с тем, по некоторым образительным деталям и, в частности, наличию массивной головы с открытой пастью, оформлению глаза, ноздри, окончаний лап и хвоста выделенным кружком, оно сближается с изображением зверя на золотом портупейном наконечнике из упомянутого выше кургана 1/Ш Келермеса (рис. 5: 2; Piotrowski, Galanina, Gratsch 1986, kat. 8). При этом видовая принадлежность обоих животных является достаточно своеобразной и в большей степени, напоминает образ собаки или волка, чем кошачьего хищника, что необходимо учитывать при рассмотрении генезиса мотива свернувшегося животного. То же самое следует сказать и о некоторых близких изображениях голов свернувшегося животного без выраженных признаков кошачьего хищника на бронзовых бляшках из Минусинской котловины в Южной Сибири, многие из которых, к сожалению, являются случайными находками, и время их изготовления остается неизвестным (рис. 5: 5, 6; Богданов 2006, табл. II: 2, 5).

Бутероль из Аяниса является единственной из известных в настоящее время достоверных древневосточных находок с изображением свернувшегося хищника, у которого глаз, ноздря, хвост и окончания лап декорированы концентрическими окружностями. Обращает на

себя внимание и упомянутая выше зооморфная бутероль с выделенным устьем из коллекции Barbier-Mueller в Женеве, предположительно происходящая из Ирана (рис. 5: 4). На ней глаз, а также окончания лап хищника также переданы концентрическими окружностями, а крупное ухо, имеющее каплевидную форму и повернутое острым концом вниз, сближается с изображениями уха знаменитой келермесской пантеры, а также кабана из Эфеса.

В восточных районах Евразии глаза, ноздри, окончания лап, а иногда и лопатки на изображениях кошачьих хищников VII в. до н. э. редко украшались циркульным орнаментом. К примеру, они представлены на предметах конской сбруи из курганов 27 и 28 могильника Уйгарак в Приаралье (рис. 5: 7—9; Вишневецкая 1973, табл. 9: 6—8; 10: 10—12). Возможно, своим появлением на этой территории такие изображения обязаны участием саков в среднеазиатских компаниях. На древневосточный вектор контактов указывает и такой признак как передача выделенной линией мускулатуры передней лапы, обозначенной на уйгаракских бляхах с внешней стороны (рис. 5: 8, 9).

Археологический контекст находки позволяет рассматривать выявленную в Аянисе зооморфную бутероль в качестве древнейшего скифского изображения свернувшегося хищника из известных сейчас на Древнем Востоке.

Костяной наконечник ножен, украшенный изображением свернувшегося зверя, обнаружен также в Кармир-Блуре (рис. 6: 1; Питровский 1970). На нем воспроизведено животное с крупной, гипертрофированно увеличенной головой, занимающей, практически, всю боковую часть пластины. На голове видны глаз, составленный из концентрических окружностей с точкой посередине, и ухо в виде подошвы лошадиного копыта. Передняя часть морды животного передана в виде двух полуovalов, обращенных вершинами в разные стороны.

По сравнению с зооморфной бутеролью из Аяниса изображение на наконечнике из Кармир-Блур является более схематическим. Стилизация осуществлялась через чрезмерно увеличенную передачу одних значимых элементов (голова), а также потерю или нивелировку других (хвост). Ближайшие соответствия изображению свернувшегося хищника на бутероли из Кармир-Блур, в том числе и по наличию гипертрофированно переданных элементов (крупная голова с глазом, оформленным в виде концентрических кругов, и ухом сердцевидной формы), обнаруживаются на зооморфных наконечниках ножен из Сард (Турция), Зивие (Иран) и Дарьевки (Украина; рис. 6: 2—4; Бобринской 1894, с. 132, фиг. 13; Ghirshman 1964, fig. 157; Dusingere 2010, fig. 2). Все эти находки имеют непосредственное отношение к пребыванию восточноевропейских кочевников в Передней Азии. Изображения на бутеролях

1. Трактовка зверя на бутероли, как изображения лошади (Çilingiroğlu 2018, p. 21), представляется мне ошибочной.

из Кармир-Блура и Дарьевки сближают между собой и схематично переданные короткие лапы, располагающиеся параллельно друг другу и являющиеся продолжением неестественно размещенных и примыкающих к друг другу бедра и плеча животного. Перечисленные предметы из Кармир-Блура, Дарьевки и Сард следует относить к самостоятельной и более молодой в рамках второй половины VII — начала VI вв. до н. э., композиционно-изобразительной группе изображений свернувшегося хищника. Основной территорией ее распространения является Передняя Азия и юг Восточной Европы. Эта модификация рассматриваемого образа не находит аналогий в восточных районах Евразии в эпоху скифской архаики.

3. ПРЕДМЕТЫ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ

В Аянисе уздечные принадлежности представлены железным псалием и обломком костяного зооморфного псалия (рис. 7: 1; 8: 9; Işıklı, Öztürk, Parliti 2016, fig. 6).

Железный псалий относится к стержневидным трехпетельчатым экземплярам с ровно обрезанными концами и тремя боковыми петлями. Ближайшие аналогии ему известны в Центральном Предкавказье: курганы 1 (южная гробница) и 3 у хут. Красное Знамя. Они датируются в пределах второй половины VII в. до н. э. (рис. 7: 2, 3; Петренко 2006, табл. 48: 30, 37, 42; Махортых 2014а, с. 179, рис. 7: 6).

Железные псалии в виде прямых стержней известны также в скифских памятниках Днепровского лесостепного Поднепровья: Журовка, курган 406; Волковцы, курган 12; Саранчево

поле, курган 11 (Ильинская 1968, табл. XXXVI: 8; Махортых 2014а, рис. 8: 1). Однако в отличие от северокавказских их окончания зачастую завершаются утолщениями или шишечками (рис. 7: 4). Дата этих предметов определяется в рамках середины VII — середины VI вв. до н. э. (Могилов 2008).

Что касается обломка костяного зооморфного псалия из Аяниса, украшенного изображением головки барана, то ближайшие соответствия ему известны среди уздечных принадлежностей (костяные наконечники псалиев и пронызи) келермесских курганов 1/В и 2/В в Закубанье, датирующихся в рамках 660—640 гг. до н. э. (рис. 8: 9—11; Галанина 1997, табл. 21: 166, 167, 169, 170; 22: 232; 23: 292).

В Кармир-Блуре также обнаружены железные и костяные псалии. Первые представлены сильно коррозированными трехпетельчатыми экземплярами с изогнутым верхним концом (Пиотровский 1950, рис. 62). Аналогии таким псалиям хорошо известны в скифских памятниках Северного Кавказа и лесостепной Украины, где они бытовали на протяжении второй половины VII — первых десятилетий VI вв. до н. э. (Могилов 2008; Махортых 2014а).

Костяные псалии относятся к типу трехдырчатых с нижним концом, оформленным в виде копыта (рис. 7: 6, 7; Пиотровский 1950, рис. 61). В центральной части псалиев, с одной из сторон, имеется широкий прямоугольный выступ. Ближайшие аналогии костяным псалиям из Кармир-Блура известны на Березанском поселении архаического периода (полуземлянка СК 44), которые, благодаря сопровождающему их выразительному античному импорту, надежно датируется первой полови-

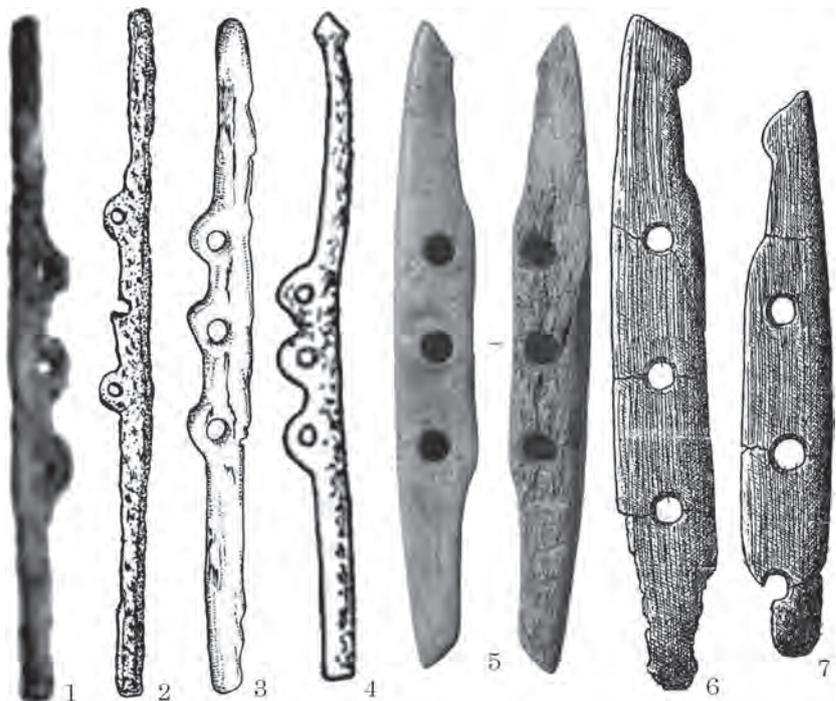

Рис. 7. Железные и костяные псалии: 1 — Аянис; 2 — Красное Знамя, курган 1; 3 — Красное Знамя, курган 3; 4 — Саранчево поле, курган 11; 5 — Березанское поселение, полуземлянка СК 44; 6, 7 — Кармир-Блур. Масштаб изображений произвольный

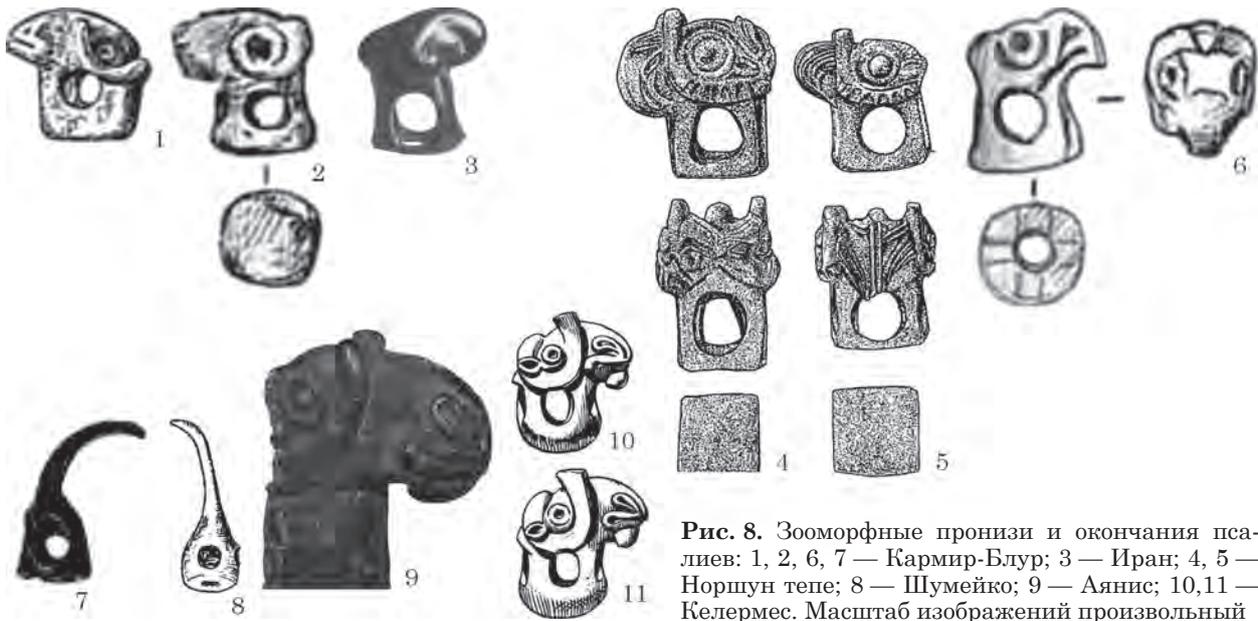

Рис. 8. Зооморфные пронизы и окончания псалив: 1, 2, 6, 7 — Кармир-Блур; 3 — Иран; 4, 5 — Норшун тепе; 8 — Шумейко; 9 — Аянис; 10, 11 — Келермес. Масштаб изображений произвольный

ной VI в. до н. э. (рис. 7: 5; Ильина, Чистов 2012, табл. 53: 7).

Помимо удила и псалив из Кармир-Блура происходит представительная серия уздечных пронизей (более 20 экз.) Последние, среди которых выделяются более ранние и более поздние разновидности, отличаются значительным разнообразием, что, вероятно, объясняется довольно продолжительными контактами кочевников и обитателей Кармир-Блура. Последний мог использоваться кочевниками в качестве своеобразной базы на протяжении довольно длительного времени, в том числе и в VI в. до н. э., что приводило к депонированию здесь разновременных материалов скифского облика (Махортых 2018, с. 46).

Интерес представляет костяная пронизь, украшенная головкой барана с клювом хищной птицы, найденная в помещении 11 северо-западной части цитадели Кармир-Блура (рис. 8: 6; Рябкова 2012). В Передней Азии типологически близкие предметы встречены в конском погребении Норшун тепе на верхнем Ефрате (рис. 8: 4, 5; Schmidt 2002, taf. 68: 1082, 1083). Вместе с тем, пронизы из Кармир-Блура и Норшун тепе отличаются друг от друга наличием или отсутствием изображения уха; сильно или слабо изогнутым клювом; выступающим над лбом или вписанным в поверхность предмета гладким или орнаментированным рогом; оформлением основания предмета; а также количеством отверстий для перекрестных ремней. Отмеченные выше формально-стилистические особенности, вероятно, свидетельствуют о различной хронологической позиции этих находок. Пронизы из Норшун тепе выглядят более архаичными и на основании частичного сходства с северокавказскими и украинскими находками могут датироваться в рамках середины — второй половины VII в. до н. э., тогда как кармир-

блурская пронизь, видимо, является более молодой и относится к концу VII — началу VI вв. до н. э. (Махортых 2018).

В Кармир-Блуре также найдено несколько уздечных распределителей, украшенных бараньими головками (рис. 8: 1, 2; Пиотровский 1950, рис. 62; 1952, рис. 19). Основной территорией распространения пронизей этого типа является юг Восточной Европы (16 экз.; Махортых 2017, с. 179, рис. 10: 9—16). Выявленные там экземпляры имеют различную иконографию и материал изготовления. На территории Закубанья (Келермесский могильник) концентрируются древнейшие костяные экземпляры, датирующиеся второй половиной — концом VII в. до н. э. Более схематические бронзовые пронизы, относящиеся, главным образом, к первой половине — середине VI в. до н. э., обнаружены в Днепровском лесостепном Поднепровье (Поповка, курган 10, Захарейкова Могила, Гуляй-Город, курган 38 и др.).

Примечательно, что костяная и бронзовая пронизы из Кармир-Блура также различаются деталями в передаче образа животного, например, у костяного экземпляра более детально проработаны морда и глаз (рис. 8: 1, 2; Рябкова 2012, с. 374). Вместе с тем, следует отметить отличие костяной пронизы с головой барана из Кармир-Блура от однотипных костяных келермесских пронизей. Закавказские экземпляры имеют более короткий и менее изогнутый рог, вписанный в поверхность предмета, у них отсутствует изображение уха, а также менее тщательно проработаны рот и нос. Последние или не выделены, или показаны в виде прорези, в отличие от двойных дуг, изображающих рот и нос в Келермесе.

Обращает на себя внимание и тот факт, что соответствия бронзовым пронизям из Кармир-Блура, украшенным изображением барана, об-

наруживаются не на Северном Кавказе, а в лесостепном Поднепровье, в памятниках VI в. до н. э. (Гуляй-Город, курган 38, Захарейкова Могила и др.)¹. Эти параллели указывают на возможность пребывания в районе Кармир-Блура скифских отрядов из лесостепных областей Украины, которые могли совершать автономные рейды в Закавказье и на Ближний Восток без участия выходцев из Предкавказья (Махортых 2018, с. 46).

Обобщая приведенные выше данные, можно сделать ряд наблюдений.

ВЫВОДЫ

Урартские крепости Аянис и Кармир-Блур содержат довольно многочисленные скифские материалы, которые представлены предметами вооружения (бронзовые втульчатые наконечники стрел), конского снаряжения (железные и костяные псалии, пронизи и пр.), а также изделиями, оформленными в скифском зверином стиле. Эти материалы являются важным археологическим источником и независимым хроноиндикатором. Они конкретизируют существующие представления о времени и характере взаимоотношений кочевников с различными государственными образованиями Древнего Востока.

Типолого-хронологический анализ скифских древностей в урартском историко-культурном контексте свидетельствует об их принадлежности к различным временным этапам и позволяет выделить среди них ранние и более поздние материалы. Находки из Аяниса, представленные двухлопастными наконечниками стрел с ромбической и овальной формами головок; бутеролью, декорированной образом свернувшегося животного без выраженных признаков кошачьего хищника; железным прямым трехпестельчатым и костяным зооморфным псалием, украшенным изображением головки барана, относятся к числу древнейших и фиксируют контакты Урарту и скифов во второй — начале третьей четверти VII в. до н. э.

Кочевнические материалы Кармир-Блура, репрезентированные широким ассортиментом наконечников стрел, в том числе и трехлопастными различных модификаций; бутеролью, украшенной схематическим изображением свернувшегося хищника; костяными трехдырчатыми псалиями с нижним концом в виде копыта и прямоугольным выступом в средней части; бронзовыми зооморфными уздечными пронизиями в виде головки барана и пр., яв-

1. Этот вывод подтверждается и находками в Кармир-Блуре иных разновидностей бронзовых зооморфных пронизей с окончаниями, оформленными в виде тонкого длинного клювовидного выступа, также находящих параллели в памятниках VI в. до н. э. лесостепного Поднепровья, например, курган Шумейко (рис. 8: 7, 8).

ляются более молодыми. Они демонстрируют оживленные контакты урартийцев со скифами во второй половине VII в. до н. э., а также в начале VI в. до н. э.

Имеющиеся данные не подтверждают гипотезу об одновременном разрушении урартских крепостей и тотальной гибели Урарту около середины VII в. до н. э.² Новые исследования позволят уточнить вопрос об исторических судьбах различных региональных образований в составе Урарту на финальном этапе его существования, которые, по всей вероятности, не были идентичными и имели свою специфику в областях близлежащих к озерам Ван, Урмия и Севан.

2. Вопрос о том, кто разрушил Кармир-Блур (скифы, мидийцы или их совместные отряды) является открытым (Пиотровский 1959; Дьяконов 1956, с. 318). Однако независимо от его решения очевидно, что падение Кармир-Блура не было синхронным прекращению существования Аяниса, и что между этими событиями имеется хронологический разрыв в несколько десятков лет.

ЛИТЕРАТУРА

- Батчаев, В. М. 1985. Древности предскифского и скифского периодов. В: Абрамова, М. П., Козенкова, В. И. (ред.). *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии*. Нальчик: Эльбрус, с. 7-115.
- Бобринской, А. А. 1894. *Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы*. Санкт-Петербург: В. С. Балашев.
- Богданов, Е. С. 2006. *Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии*. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН.
- Василиненко, Д. Э., Кондрашев, А. В., Пьянков, А. В. 1993. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из западного Закавказья. *Понтийско-Кавказские исследования*, 1, с. 21-38.
- Вишневская, О. А. 1973. *Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.* Москва: Наука.
- Галанина, Л. К. 1997. *Келермесские курганы*. Москва: Палеограф.
- Дьяконов, И. М. 1956. *История Мидии*. Москва: Восточная литература.
- Есаян, С. А., Погребова, М. Н. 1985. *Скифские памятники Закавказья*. Москва: Наука.
- Иванчик, А. И. 2001. *Киммерийцы и скифы*. Москва: Институт всеобщей истории.
- Ильина, Ю. И., Чистов, Д. Е. 2012. Находки. В: Чистов, Д. Е. (ред.). *Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции*. 2. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 20-41.
- Ильинская, В. А. 1968. *Скифы Днепровского лесостепного Левобережья*. Киев: Наукова думка.
- Ильинская, В. А., Мозолевский, Б. Н., Тереножкин, А. И. 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Скифия и Кавказ*. Киев: Наукова думка, с. 31-63.
- Ильюков, Л., Пашиный, К. 1999. *На краю Меотиды*. Ростов-на-Дону.
- Маслов, В. Е., Окороков, К. С., Клещенко, А. А. 2019. Раннескифское воинское погребение из мо-

гильника Бейсужек XXXV в Прикубанье. *Краткие сообщения Института археологии*, 256, с. 188-206.

Махортых, С. В. 1991. *Скифы на Северном Кавказе*. Киев: Наукова думка.

Махортых, С. В. 2014а. Об одной группе раннескифских памятников Днепровского лесостепного Правобережья. *Revista arheologica*, 10, 1—2, с. 69-79.

Махортых, С. В. 2014б. Конское снаряжение всадников Предкавказья и украинской лесостепи в VII—VI вв. до н. э. В: Онгар, А. (ред.). *Всадники великой степи: традиции и инновации*. Астана: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, с. 174-187.

Махортых, С. В. 2017. Проники для перекрестных ремней конской упряжи на юге Восточной Европы в VII—VI вв. до н. э. *Археологія і давня історія України*, 2 (23), с. 166-184.

Махортых, С. В. 2018. Распределители ремней конской упряжи VII—VI вв. до н. э. в Закавказье и Передней Азии. *Археологія і давня історія України*, 2 (27), с. 35-50.

Медведская, И. Н. 1992. Периодизация скифской архаики и древний Восток. *Российская археология*, 4, с. 88-107.

Могилев, О. Д. 2008. *Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи*. Київ: ІА НАН України.

Петренко, В. Г. 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья. В: Мелюкова А. И. (ред.). *Проблемы скифо-сарматской археологии*. Москва: ИА АН СССР, с. 60-81.

Петренко, В. Г. 2006. *Краснознаменский могильник*. Москва: Палеограф.

Петренко, В. Г., Маслов, В. Е., Канторович, А. Р. 2000. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное II. В: Гуляев, В. И., Ольховский, В. С. (ред.). *Скифы и сарматы в VII—III вв. до н. э.* Москва: ИА РАН, с. 238-248.

Пиотровский, Б. Б. 1950. *Кармир-Блур I*. Ереван: АН Армянской ССР.

Пиотровский, Б. Б. 1952. *Кармир-Блур II*. Ереван: АН Армянской ССР.

Пиотровский, Б. Б. 1959. *Ванское царство (Урарту)*. Москва: Восточная литература.

Пиотровский, Б. Б. 1970. *Кармир-Блур*. Ленинград: Аврора.

Ромашко, В. А., Скорый, С. А., Филимонов, Д. Г. 2014. Раннескифское погребение в кургане у села Китайгород в Приорелье. *Российская археология*, 4, с. 107-117.

Рябкова, Т. В. 2009. Наконечники стрел скифского типа из Тейшебаини. В: *Пятая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар, с. 328-334.

Рябкова, Т. В. 2012. Уздечные принадлежности скифского типа из Тейшебаини. *Российский археологический ежегодник*, 2, с. 360-382.

Рябкова, Т. В. 2014. Курган 524 у с. Жабогин в системе памятников периода скифской архаики. *Российский археологический ежегодник*, 4, с. 236-296.

Фіалко, О., Болтрик, Ю. 2003. *Напад скіфів на Трахтемирівське городище*. Київ: ІА НАН України.

Шрамко, Б. А. 1987. *Бельское городище*. Киев: Наукова думка.

Andrae, W. 1977. *Das wiedererstandene Assur*. München: C. H. Beck.

Azarpay, G. 1968. *Urartian art and artifacts: a chronological study*. Berkeley; Los Angeles: University of California.

Barbier, J. P. 1996. *Art des steppes: ornements et pièces de mobilier funéraire scytho-sibérien dans les*

collections du Musée Barbier-Mueller. Genève: Musée Barbier-Mueller.

Çilingiroğlu, A. 2002. The reign of Rusa II: towards the end of the Urartian kingdom. In: Aslan, R., Blum, S., Kastl, G., Schweizer, F., Thumm, D. (eds.) *Mauer Schau: Festschrift für Manfred Korfmann*. Remshalden, p. 483-489.

Çilingiroğlu, A. 2005. Bronze arrowheads of Ayanis (Rusahinili Eiduru-kai): indicate ethnic identity? In: Yalçın, Ü. (ed.). *Anatolian Metal III*. Bochum, p. 63-66.

Çilingiroğlu, A. 2018. Ayanis fortress: the day after the disaster. In: Çilingiroğlu, A., Culha, Z. (eds.) *Urartians: A civilization in the Eastern Anatolia*. Istanbul, p. 13-26.

Çilingiroğlu, A., Salvini M. 2001. Historical background of Ayanis. In: Çilingiroğlu, A. Salvini, M. (eds.). *Ayanis I*. Rome: Istituto per gli Studi Micenei ed Egeo-Anatolici, p. 15-24.

Derin, Z., Muscarella, O.W. Iron and bronze arrows. In: Çilingiroğlu, A. Salvini, M. (eds.). *Ayanis I*. Rome: Istituto per gli Studi Micenei ed Egeo-Anatolici, p. 189-217.

Dönmez, S. 2011. New evidences on the existence of the Eurasian horse-riding nomads in the Black Sea region, Turkey. In: Öztan, A., Dönmez, Ş. (eds.). *Studies presented in Honour of Önder Bilgi*. Ankara, p. 135-146.

Dusinbere, E. 2010. Ivories from Lydia. In: Cahill, N. (ed.). *The Lydians and their world*. Istanbul, p. 191-200.

Ghirshman, R. 1964. *The arts of ancient Iran: from its origins to the time of Alexander the Great*. New York: Golden Press.

Hellwag, U. 2012. Der Niedergang Urartus. In: Kroll, S., Gruber, C., Hellwag, U., Roaf, M., Zimansky, P. (eds.). *Biainili-Urartu: the proceedings of the symposium held in Munich 12—14 October 2007*. Leuven: Peeters, p. 227-241.

Işikli, M., Öztürk, G., Parliti, U. 2016. Van Ayanis Kalesi 2015 Yılı Kazı ve Onarım Çalışmaları. *Kazı Sonuçları Toplantıları*, 38, 2, p. 587-598.

Kroll, S. 1979. Die Kleinfunde. In: Kleiss, W (ed.). *Bastam I. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1972—1975*. Berlin: Gebrüder Mann, S. 151-170.

Kroll, S. 1988. Die Kleinfunde. In: Kleiss, W. (ed.). *Bastam II. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977—1978*. Berlin: Gebrüder Mann, S. 155-160.

Kroll, S., Gruber, C., Hellwag, U., Roaf, M., Zimansky, P. 2012. Biainili-Urartu: the proceedings of the symposium held in Munich 12—14 October 2007. Leuven: Peeters.

Özdemir, M. A., Işikli, M. 2017. Van Ayanis Kalesinden Ele Geçen Ok Uçları Üzerine Genel Bir Değerlendirme. *Mimarlar Arkeologlar Sanat Tarihçileri Restoratörler Ortak Platformu*, 8 (11), p. 46-62.

Pickworth, D. 2005. Excavations at Nineveh: The Halzi Gate. *Iraq*, 67, 1, p. 295-316.

Piotrowski, B., Galanina, L., Gratsch, N, 1986. *Scythische Kunst*. Leningrad: Auropa.

Salvini, M. 1995. *Geschichte und Kultur der Urartäer*. Darmstadt.

Schmidt, K. 2002. *Norsuntepe. Kleinfunde. Artefakte aus Felsgestein, Knochen und Geweih, Ton, Metall und Glas*. Istanbul.

Seifert, M. 2004. *Herkunftsbestimmung archaischer Keramik am Beispiel von Amphoren aus Milet*. Oxford.

Wolley, C. L. 1921. *Carchemish. Part II. The town defences*. London: British Museum.

REFERENCES

- Batchaev, V. M. 1985. Drevnosti predskifskogo i skifskogo periodov. In: Abramova, M. P., Kozenkova, V. I. (eds.). *Arkheologicheskie issledovaniya na novostrojkhakh Kabardino-Balkarii*. Nalchik: Elbrus, s. 7-115.
- Bobrinskoy, A. A. 1894. *Kurgany i sluchajnye arkheologicheskie nakhodki bliz mestechka Smely*. Sankt-Peterburg: V. S. Balashev.
- Bogdanov, E. S. 2006. *Obraz khishchnika v plasticheskom iskusstve kochevykh narodov Tsentralnoy Azii*. Novosibirsk: IAEt SO RAN.
- Vasilinenko, D. E., Kondrashev, A. V., Pyankov, A. V. 1993. Arkheologicheskie materialy predskifskogo i ranneskifskogo vremeni iz zapadnogo Zakubanja. *Pontijsko-Kavkazskie issledovaniya*, 1, s. 21-38.
- Vishnevskaya, O. A. 1973. *Kultura sakskikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII—V vv. do n. e.* Moskva: Nauka.
- Galanina, L. K. 1997. *Kelermesskie kurgany*. Moskva: Paleograf.
- Dyakonov, I. M. 1956. *Istoriya Midii*. Moskva: Vostochnaya literatura.
- Esayan, S. A., Pogrebova, M. N. 1985. *Skifskie pamyatniki Zakavkazya*. Moskva: Nauka.
- Ivanchik, A. I. 2001. *Kimmerijsy i Skify*. Moskva: Institut vseobschej istorii.
- Il'ina, Yu. I., Chistov, D. E. 2012. Nakhodki. In: Chistov, D. E. (ed.). *Materialy Berezanskoj (Nizhnebugskoj) antichnoj arkheologicheskoj ekspeditsii*. 2. Sankt-Peterburg, s. 20-41.
- Ilinskaya, V. A. 1968. *Skify Dneprovskogo lesostepnogo Levoberezhya*. Kyiv: Naukova dumka.
- Ilinskaya, V. A., Mozolevskiy, B. N., Terenozhkin, A. I. 1980. Kurgany VI v. do n. e. u s. Matusov. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifiya i Kavkaz*. Kyiv: Naukova dumka, s. 31-63.
- Il'yukov, L., Pashinyan, K. 1999. *Na krau Meotidy*. Rostov-na-Donu.
- Maslov, V. E., Okorokov, K. S., Êleschenko, A. A. 2019. Ranneskifskoe voinskoe pogrebenie iz mogilnika Bejsush-ek XXXV v Prikuban'e. *Kratkie soobsheniya Instituta arkheologii*, 256, s. 188-206.
- Makhortykh, S. V. 1991. *Skify na Severnom Kavkaze*. Kyiv: Naukova dumka.
- Makhortykh, S. V. 2014a. Ob odnoj gruppe ranneskifskikh pamyatnikov Dneprovskogo lesostepnogo Pravoberezhya. *Revista arheologica*, 10, 1—2, s. 69-79.
- Makhortykh, S. V. 2014b. Konskoe snaryazhenie vsadnikov Predkavkazya i ukrainskoj lesostepi v VII—VI vv. do n. e. In: Ongar, A. (ed.). *Vsadniki velikoj stepi: traditsii i innovatsii*. Astana: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana, s. 174-187.
- Makhortykh, S. V. 2017. Pronizi dlya perekrestnykh remney konskoj upryazhi na yuge Vostochnoj Evropy v VII—VI vv. do n. e. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (23), s. 166-184.
- Makhortykh, S. V. 2018. Raspredeliteli remney konskoj upryazhi VII—VI vv. do n. e. v Zakavkaz'e i Perednej Azii. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy*, 2 (27), p. 35-50.
- Medvedskaya, I. N. 1992. Periodizatsiya skifskoj arkhaiski i drevniy Vostok. *Rossiyskaya arkheologiya*, 4, s. 88-107.
- Mogilov, O. D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifs'koi dobi v lisostepu Skhidnoy Evropi*. Kyiv: IA NAN Ukrainy.
- Petrenko, V. G. 1990. K voprosy o khronologii ranneskifskikh kurganov Tsentralnogo Predkavkazya. In: Meliukova, A. I. (ed.). *Problemy skifo-sarmatskoj arkheologii*. Moskva: IA SSSR, s. 60-81.
- Petrenko, V. G. 2006. *Krasnoznamenskiy mogilnik*. Moskva: Paleograf.
- Petrenko, V. G., Maslov, V. E., Kantorovich, A. R. 2000. Khronologiya tsentralnoj gruppy kurganov mogilnika Novozavedennoe II. In: Gulyaev, V. I., Ol'khovskij, V. S. (eds.). *Skify i sarmaty v VII—III vv. do n. e.* Moskva: IA RAN, s. 238-248.
- Pickworth, D. 2005. Excavations at Nineveh: The Halzi Gate. *Iraq* 67 (1), p. 295-316.
- Piotrovskiy, B. B. 1950. *Karmir-Blur I*. Erevan: AN Armyanskoj SSR.
- Piotrovskiy, B. B. 1952. *Karmir-Blur II*. Erevan: AN Armyanskoj SSR.
- Piotrovskiy, B. B. 1959. *Vanskoe tsarstvo (Urartu)*. Moskva: Vostochnaya literatura.
- Piotrovskiy, B. B. 1970. *Karmir-Blur*. Leningrad: Avropa.
- Romashko, V. A., Skorij, S. A., Filimonov, D. G. 2014. Ranneskifskoe pogrebenie v kurgane u sela Kitajgorod v Priorel'e. *Rossiyskaya arkheologiya*, 4, s. 107-117.
- Ryabkova, T. V. 2009. Nakonechniki strel skifskogo tipa iz Tejshebaini. In: *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya*. Krasnodar, s. 328-334.
- Ryabkova, T. V. 2012. Uzdechnye prinadlezhnosti skifskogo tipa iz Tejshebaini. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik*, 2, s. 360-382.
- Ryabkova, T. V. 2014. Kurgan 524 u s. Zhabotin v sisteme pamyatnikov perioda skifskoj arkhaiski. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik*, 4, p. 236-296.
- Fialko, O., Boltrik, Yu. 2003. *Napad skifv na Trakht-emirivske gorodische*. Kyiv: IA NAN Ukrainy.
- Shramko, B. A. 1987. *Belskoe gorodische*. Kyiv: Naukova dumka.
- Andrae, W. 1977. *Das wiedererstandene Assur*. München: C. H. Beck.
- Azarpay, G. 1968. *Urartian art and artifacts: a chronological study*. Berkeley; Los Angeles: University of California.
- Barbier, J. P. 1996. *Art des steppes: ornements et pièces de mobilier funéraire scytho-sibérien dans les collections du Musée Barbier-Mueller*. Genève: Musée Barbier-Mueller.
- Çilingiroğlu, A. 2002. The reign of Rusa II: towards the end of the Urartian kingdom. In: Aslan, R., Blum, S., Kastl, G., Schweizer, F., Thumm, D. (eds.) *Mauer Schau: Festschrift für Manfred Korfmann*. Remshalden, p. 483-489.
- Çilingiroğlu, A. 2005. Bronze arrowheads of Ayani (Rusahinili Eiduru-kai): indicate ethnic identity? In: Yalçın, Ü. (ed.). *Anatolian Metal III*. Bochum, p. 63-66.
- Çilingiroğlu, A. 2018. Ayani fortress: the day after the disaster. In: Çilingiroğlu, A., Culha, Z. (eds.) *Urartians: A civilization in the Eastern Anatolia*. Istanbul, p. 13-26.
- Çilingiroğlu, A., Salvini, M. 2001. Historical background of Ayani. In: Çilingiroğlu, A., Salvini, M. (eds.) *Ayani I*. Rome: Istituto per gli Studi Micenei ed Egeo-Anatolici, p. 15-24.
- Derin, Z., Muscarella, O. W. Iron and bronze arrows. In: Çilingiroğlu, A., Salvini, M. (eds.) *Ayani I*. Rome: Istituto per gli Studi Micenei ed Egeo-Anatolici, p. 189-217.
- Dönmez, S. 2011. New evidences on the existence of the Eurasian horse-riding nomads in the Black Sea region. Turkey. In: Öztan, A., Dönmez, Ş. (eds.) *Studies presented in Honour of Önder Bilgi*. Ankara, p. 135-146.
- Dusinbere, E. 2010. Ivories from Lydia. In: Cahill, N. (ed.). *The Lydians and their world*. Istanbul, p. 191-200.
- Ghirshman, R. 1964. *The arts of ancient Iran: from its origins to the time of Alexander the Great*. New York: Golden Press.
- Hellwag, U. 2012. Der Niedergang Urartus. In: Kroll, S., Gruber, C., Hellwag, U., Roaf, M., Zimansky, P. (eds.) *Biainili-Urartu: the proceedings of the symposium held in Munich 12—14 October 2007*. Leuven: Peeters, p. 227-241.
- İşikli, M., Öztürk, G., Parliti, U. 2016. Van Ayani Kalesi 2015 Yılı Kazı ve Onarım Çalışmaları. *Kazı Sonuçları Toplantıları*, 38, 2, p. 587-598.
- Kroll, S. 1979. Die Kleinfunde. In: Kleiss, W. (ed.). *Bastam I. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1972—1975*. Berlin: Gebrüder Mann, S. 151-170.
- Kroll, S. 1988. Die Kleinfunde. In: Kleiss, W. (ed.). *Bastam II. Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977—1978*. Berlin: Gebrüder Mann, S. 155-160.
- Kroll, S., Gruber, C., Hellwag, U., Roaf, M., Zimansky, P. 2012. Biainili-Urartu: the proceedings of the symposium held in Munich 12—14 October 2007. Leuven: Peeters.
- Özdemir, M. A., İşikli, M. 2017. Van Ayani Kalesinden Ele Geçen Ok Uçları Üzerine Genel Bir Değerlendirme. *Mimarlar Arkeologlar Sanat Tarihçileri Restoratörler Ortak Platformu*, 8 (11), p. 46-62.
- Pickworth, D. 2005. Excavations at Nineveh: The Halzi Gate. *Iraq*, 67, 1, p. 295-316.
- Piotrowski, B., Galanina, L., Gratsch, N. 1986. *Scythische Kunst*. Leningrad: Aropa.
- Salvini, M. 1995. *Geschichte und Kultur der Urartäer*. Darmstadt.

Schmidt, K. 2002. *Norsuntepe. Kleinfunde. Artefakte aus Felsgestein, Knochen und Geweih, Ton, Metall und Glas*. Istanbul.

Seifert, M. 2004. *Herkunftsbestimmung archaischer Keramik am Beispiel von Amphoren aus Milet*. Oxford.

Wolley, C. L. 1921. *Carchemish. Part II. The town defences*. London: British Museum.

S. V. Makhortykh

THE SCYTHIANS AND URARTU

The numerous Scythian (broadly speaking) artifacts have been discovered in the Urartian fortresses Ayanis and Karmir-Blur. They include the weapons (bronze socketed arrowheads), trappings (iron and bone cheekpieces, harness fittings, etc.), and objects decorated in the Scythian animal style. These findings is the important source of archaeological data and serve as independent chronological indicator that advances our current understanding of the periodization and character of the interrelations between the nomads and various Middle Eastern states. The typological and chronological analysis of the Scythian antiquities in the Urartian historical and cultural context indicates that these antiquities belong to the different periods. It also allows us to identify the earlier and later sets of artifacts. The materials from Ayanis belong to the oldest antiquities and could be associated with the contacts between the Scythians and Urartu in the second — the beginning of the third quarter of the 7th century BC. These finds are represented by bilobate arrowheads with rhomboid and oval heads, a scabbard chape decorated with the image of a curled animal without clear features of feline predators, iron straight three-looped and bone zoomorphic cheekpieces ornamented with an image of ram's head. On the contrary, nomadic materials from Karmir-Blur are a bit later and are indicative of active contacts between the Urartians and the Scythians in the second half of the 7th century BC and the beginning of the 6th century BC. These finds include the wide range of bronze socketed arrowheads, among them the numerous trilobate of various modifications, the bouterolle decorated with schematic image of curled predator, three-hole bone cheekpieces with the animal hoof on the lower end and rectangular protrusion in the middle of the bar, bronze zoomorphic harness fittings ornamented with the image of ram's head, etc. Thus, available data do not confirm the hypothesis about the simultaneous destruction of Urartian fortresses and the complete destruction of Urartu in the middle of the 7th century BC.

Keywords: Scythians, Urartu, Ayanis, Karmir-Blur, 7th—6th centuries BC.

C. B. Makhortykh

СКІФИ ТА УРАРТУ

Урартські фортеці Аяніс та Кармір-Блур містять численні скіфські (у широкому розумінні цього слова) матеріали. Серед них — зброя (бронзові наконечники стріл), предмети кінського спорядження (залізні та кістяні псалії, вуздечні пронизи) та вироби, оформлені у скіфському звіриному стилі. Ці знахідки є важливим археологічним джерелом і незалежним хроноіндикатором, які конкретизують існуючі уявлення про час і характер взаємовідносин між кочовиками та різними державними утвореннями Близького Сходу. Типолого-хронологічний аналіз скіфських старожитностей в урартському історико-культурному контексті свідчить про їх належність до різних хронологічних періодів та дозволяє виділити серед них ранні і пізні матеріали. Знахідки з Аяніса, представлені дволопатеви наконечниками стріл з ромбічними та листоподібними голівками, бутероллю, декорованою зображенням згорнутої тварини без ознак котячого хижака, залізним прямим трьохпетельчатим та кістяним зооморфним псаліями, належать до числа найдавніших і фіксують контакти Урарту і скіфів у другій — на початку третьої чверті VII ст. до н. е. Навпаки, археологічні матеріали з Карміра-Блура є пізнішими і вказують на активні контакти між урартами та скіфами у другій половині VII ст. до н. е. та на початку VI ст. до н. е. Ці знахідки включають широкий асортимент наконечників стріл, в тому числі і трилопатеві різних модифікацій, бутероль прикрашену схематичним зображенням хижака, що згорнувся, кістяні трьохдірчасті псалії з нижнім кінцем у вигляді копита і прямокутним виступом в середній частині, бронзові зооморфні вуздечні пронизи орнаментовані зображенням голови барана. Таким чином, наявні дані не підтверджують гіпотезу про одночасне руйнування урартських фортець та повне знищення Урарту близько середини VII ст. до н. е.

Ключові слова: скіфи, Урарту, Аяніс, Кармір-Блур, VII—VI ст. до н. е.

Одержано 20.04.2020

МАХОРТИХ Сергій Володимирович, доктор історичних наук, провідний науковий співробітник, Інститут археології НАН України, пр. Героїв Сталінграда, 12, Київ, 04210, Україна

Makhortykh Sergiy V., Doktor of Historical Sciences, Chief Research Fellow, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Heroiv Stalingradu ave., 12, Kyiv, 04210, Ukraine.
ORCID: 0000-0001-7865-0263; e-mail: makhortykh@yahoo.com.